

Шопен. Достать Жорж Санд и плакаты

Русский телеграф,
— 1998. — 7 марта. — с. 7

Концерт Элисо Вирсаладзе

Грубая жизнь топчет цветы, даже если они прикрыты пушками. Грубая жизнь заимствует у автора Третьей сонаты Похоронный марш из Второй. Написанный в тональности си-бемоль минор, он чудно лег под пальцы духовикам с отмерзшими на траурном морозе ушами. К несчастью, в жизни каждого случался подобный Шопен. Его прикладное значение стремится к бесконечности — и для безутешных слушателей, и для исполнителей обряда. Он выправит им западающие клапана. Он незаменим для выработки подлинной ловкости рук. С успехом состоит в любую погоду. Обладает гипнотическим, болевозбуждающим/утоляющим, тонизирующим/седативным эффектом.

Шопен исторически рекомендован пианистам к умеренному употреблению. Небольшой корпус его произведений так заиграет, что пленить меломана каким-нибудь Полонезом-фантазией теперь стало много трудней, особенно после Рубинштейна или Горовица. Путь шопениста более не ведет от одной совершенной «интерпретации» к другой. Передозировка самих шопенистов привела к тому, что осталось всего два способа обновить увядшее. Первый: обращаться с шопеновским текстом по-своейски, разнообразно его опростостовывать, делать из него средство передвижения. Может быть, такой монстр, Глен Гульд-2, уже родился, но пока пианисты со здоровыми хулиганскими на-

клонностями не глядят в сторону Шопена. Второй: вычеркнуть из списка желаний самовыражение, спрятаться за богатейший текст, в котором уместятся пять Горовицев, семь Рубинштейнов, сорок Иво Погореличей — то есть изучить, каким был тогда роуль фирмы «Плейель» (для Шопена явно лучше, чем ныне «Стэйнвей»), какое звучание подразумевал автор в разных регистрах и как к нему можно приблизиться; наконец, вспомнить свидетельства о том, что никогда игра его не достигала forte, никогда даже отдаленно не бывала столь «сильной», как силовой конкурсный шопенизм.

Этим путем и прошла Элисо Вирсаладзе во втором отделении своего концерта в Большом зале Петербургской филармонии. Мелкие формы — два ноктюрна и четыре вальса — сами по себе провоцируют исполнителя на мелкую отделку, но здесь было нечто большее — то есть меньшее. Музыка вдруг умирала, стала частью некоей инсценировки. Вирсаладзе наигрывала с предельной сосредоточенностью. Легендарная шопеновская динамика ожила. Нигде не было громче mezzo forte. Вполсилы легче справиться с поминальным кружевом, решила Жорж Санд и принялась поминать возлюбленного чахоточного мастера (играла ли она на фортепиано — неважно). Куда-то пропал «Камнепуть» с чутунной рамой. Изничтожились его тембры — никакая середина, блестящий пустой

верх, оперный теноровый регистр, стальные басы. Возник настоящий «Плейель», любимый Шопеном. Вместе со своей сценической утварью сгинул и Большой зал, филармония обратилась в театр. Уже не было металлоемких пространств, нечего стало оглашать фортепьянным звуком; полилась интимная речь. Тише говоришь — лучше слушают. Шесть небольших откровений явили и эпоху, и сердечную жизнь автора, и его способ жить в музыке. «И здесь кончается искусство». «И дальше трудность значит неподдельность».

Пред нею испаряется критика. Но теряют смысл и «большие» опусы, сыгранные Вирсаладзе в том же концерте: Полонез ля-бемоль мажор, Полонез-фантазия и Третья соната. Вот где прокатились по стэйнвейю с ветерком. Очень прочувствованное, трепетное до технической безупречности исполнение академических чаяний публики. Но сейчас мало играть Шопена хорошо и даже очень хорошо. Иван Соллертинский поучал Ираклия Андроникова, когда тот очутился на эстраде БЗФ, что в этом зале нельзя разговаривать с обычной громкостью и отчетливостью: он слишком для этого велик. Вирсаладзе ошиблась жанром. Место этой немножко станковой скульптуры все же в салоне, рядом с шепотом вальсов и ноктюрнов.

Конечно, Ф.Шопен вечно живой. Вероятно, каждые одиннадцать секунд или даже чаще на планете играет ка-

ЕВГЕНИЙ БУРИМСТРОВ

Элисо Вирсаладзе

кой-нибудь его опус. Но мне хочется большего. Вот бы Ф.Шопен вечно жил во плоти, обладал бы авторскими правами и изредка выдавал патенты. Например: «Сим доз-

ляется Э.Вирсаладзе играть наши малые шедевры аутентично и невозбранно».

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ,
Санкт-Петербург